



Проблемы чешско-словацких отношений в XX веке глазами советского историка (июль 1968 г.)

© 2024 г. А.С. Стыкалин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

Институт всеобщей истории РАН (Москва, Российская федерация)

zhurslav@gmail.com

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых»

Аннотация. Пражская весна 1968 г. вошла в историю прежде всего как массовое демократическое движение, направленное на придание свежих сил реальному социализму, повышение его эффективности и внешней привлекательности. Опередив время, она была пресечена на корню правящими элитами СССР и стран советского блока, не готовыми к столь далеко идущей либерализации системы отношений в одной из социалистических стран. Литература, посвященная Пражской весне и августовской интервенции 1968 г., чрезвычайно обширна и многообразна, однако сохраняет свою значимость введение в научный оборот новых источников. Записки и отчеты советских ученых-страноведов, специалистов по проблемам Чехословакии и ее культуры, выезжавших в эту страну в месяцы Пражской весны, дополняют новыми фактами картину событий, вместе с тем расширяя наше знание о восприятии отечественной интеллигенцией процессов, развернувшихся в соседнем государстве. Вниманию читателей предлагается отчет о посещении съезда словацких историков в июле 1968 г. сотрудником Института славяноведения АН СССР П.И. Резоновым, который отметил не только различия в подходах чешских и словацких историков к общему прошлому во взаимоотношениях этих двух близких народов, но и приоритетное внимание словаков к проблемам федерализации страны, что не всегда находило понимание чешских реформаторов, ставивших во главу угла задачи общей демократизации.

Ключевые слова: Чехословакия, Пражская весна 1968 г., чешско-словацкие взаимоотношения, реформы социализма, советско-чехословацкие связи в области гуманитарных наук, чешская и словацкая историческая наука.

Ссылка для цитирования: Стыкалин А.С. Проблемы чешско-словацких отношений в XX веке глазами советского историка (июль 1968 г.) // *Славяноведение*. 2024. № 6. С. 127–140. DOI: 10.31857/S0869544X24060105, EDN: XGNZHL

Problems of Czech-Slovak Relations in the 20th Century Viewed by the Soviet Historian (July 1968)

© 2024. Alexander S. Stykalin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Institute of General History of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation).

zhurslav@gmail.com

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 20-78-10053 «Soviet-Czechoslovak scientific communications in the 1948–1991: transfer of ideas and social practices».

Abstract. The Prague Spring of 1968 is known primarily as a mass democratic movement aimed at giving fresh strength to real socialism, increasing its effectiveness and external attractiveness. Getting ahead of its time, it was stopped by the ruling elites of the USSR and of the Soviet bloc countries, who were not ready for such a far-reaching liberalization of system in one of the socialist countries. The literature concerning the Prague Spring and the August 1968 intervention is extremely extensive and diverse, but putting into circulation of new sources remains actual. The notes and reports of the Soviet experts in the problems of Czechoslovakia and its culture who visited the country in the months of the Prague Spring add new facts to the picture of events and above all expand our knowledge of the perception by the domestic intelligentsia of the processes which took place in the neighbor country. We offer to our readers a report on a visit to the congress of Slovak historians in July 1968 by an employee of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences P.I. Rezonov, who noted not only the differences in the approaches of Czech and Slovak historians to the common past in the relations between these two nations, but also the priority attention of the Slovaks to the problems of federalization of the country, which was not always supported by the Czech reformers, who put the tasks of general democratization at the forefront.

Keywords: Czechoslovakia, Prague Spring 1968, Czech-Slovak relations, socialist reforms, Soviet-Czechoslovak ties in the field of humanities, Czech and Slovak historical sciences.

For citation: *Alexander S. Stykalin. Problems of Czech-Slovak Relations in the 20th Century Viewed by the Soviet Historian (July 1968) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 127–140. DOI: 10.31857/S0869544X24060105, EDN: XGNZHL*

При всем обилии литературы о Пражской весне 1968 г., ее предпосылках, подавлении и его последствиях едва ли можно говорить об исчерпанности темы. Продолжают вводиться в научный оборот новые источники (не только архивные документы, но и материалы личного происхождения), отражающие те или иные аспекты событий 1960-х годов в Чехословакии и вокруг нее. До сих пор далеко не полно изучена дипломатическая корреспонденция тех лет из Чехословакии, в частности донесения посольства СССР в Праге и генконсульства в Братиславе, в определенной степени влиявшие на формирование в сознании советской партийно-государственной элиты образа наступающей «контрреволюции», что предопределило в конечном итоге жесткую реакцию Москвы на чехословацкий эксперимент с созданием «социализма с человеческим лицом». Отличаются информативностью и при этом еще менее востребованы исследователями отчеты и докладные записки по итогам посещения

ЧССР как советскими делегациями от тех или иных государственных структур и общественных организаций, так и выезжавшими в краткосрочные командировки специалистами разных областей, научными работниками (в том числе командированными по линии АН СССР в рамках программ межакадемического сотрудничества), журналистами, деятелями художественной культуры и искусств. Эти документы не только дополняют новыми, подчас довольно существенными штрихами общую картину событий и процессов, происходивших в 1960-е годы в ЧССР (в том числе в науке и культуре), но и расширяют наши представления о их рецепции советским обществом, прежде всего наиболее образованной и продвинутой его частью — технической, научной, творческой интеллигенцией¹.

Вниманию читателей предлагается источник, отражающий восприятие не только состояния исторической науки, но всей общественно-политической атмосферы в Чехословакии квалифицированным советским историком-страноведом, побывавшим в командировке в начале июля 1968 г., всего за полтора месяца до вторжения войск СССР и ряда стран Варшавского договора 21 августа, события, не только возымевшего роковые последствия для самой этой страны, но и во многом предопределившего необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения, поскольку вследствие этой акции было окончательно дискредитировано в глазах многих современников позитивное содержание самой идеи социализма в ее марксистском понимании. Речь идет о заместителе директора Института славяноведения АН СССР П.И. Резонове (1910—1971), который в соответствии с официальным приглашением посетил в качестве гостя съезд словацких историков в Братиславе. Специалист по чехословацкой истории², владевший чешским и словацким языками, он мог не только полноценно наблюдать за работой съезда и составить свое мнение о представленных докладах, но и имел возможность выступить на самом съезде, а кроме того, через более неформальное общение с давно знакомыми ему коллегами узнать об их заботах, творческих планах, получить представление об оценке ими происходивших в те месяцы в стране значительных внутрисполитических изменений.

Сам исторический контекст посещения П.И. Резоновым Словакии был весьма необычен, если оценивать его по стандартным для того времени меркам союзнической социалистической страны. Хотя Советский Союз и Чехословакия были союзниками по ОВД и продолжали поддерживать тесные экономические связи в рамках СЭВ, их развитие в это время было далеко не синхронным и тот уровень политических свобод, которого достигли в Чехословакии всего за несколько месяцев Пражской весны, был совершенно немыслим в СССР. Люди, командированные летом 1968 г. в ЧССР, приезжали не просто в

¹ Отчеты литераторов (в том числе писательских делегаций), посещавших социалистические страны, хранятся в фондах Иностранной комиссии Союза писателей СССР в РГАЛИ, отчеты научных работников из системы АН СССР — в соответствующих фондах Архива РАН. Наиболее информативные (либо выделяющиеся высоким уровнем политической аналитики) отчеты пересылались в аппарат ЦК КПСС. Так, например, записка заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература» писателя С. Дангулова (в прошлом карьерного дипломата), побывавшего в Румынии летом 1964 г. в момент обострения советско-румынских отношений, через считанные дни после представления в Союз писателей оказалась на столе главного идеолога КПСС М.А. Суслова. См.: [Стыкалин 2011].

² Кандидатскую диссертацию Павел Иванович Резонов защитил в 1948 г. по теме «Социально-политические взгляды таборитов на первом этапе движения». Со временем он переключился со средневековой истории на новейшую, занимался советско-чехословацкими отношениями во время Второй мировой войны и первые послевоенные годы.

соседнюю социалистическую страну, а фактически уже в другой мир, охваченный бурными переменами и самыми оптимистическими ожиданиями. Весной 1968 г. в Чехословакии к сильному раздражению советского руководства была фактически отменена цензура, вследствие этого пресса все острее ставила насущные проблемы; разбуженная общественная активность (невиданная после установления коммунистического режима в феврале 1948 г.) проявлялась в возникновении все новых и новых неформальных объединений. Прорабатывались планы экономических реформ, нацеленных на то, чтобы сделать существующую систему более рациональной, гибкой, отвечающей повседневным запросам общества³. Попытки выработать более совершенную модель социализма, отличную от советской модели с ее централизмом, с большим подозрением воспринимались руководством КПСС, так как сопровождались освобождением от своих должностей множества высокопоставленных функционеров из «команды» А. Новотного, которых в Кремле и на Старой площади привыкли считать надежными партнерами. Что же касается нового первого секретаря ЦК КПЧ А. Дубчека, то он с момента своего избрания в начале 1968 г. на высший пост в партии практиковал довольно непривычный для советской номенклатуры и чуждый ей стиль общения с массами — более открытый, демократичный, человечный, стирающий дистанцию. Представленная в апреле партийными реформаторами на суд общественности развернутая Программа действий КПЧ резко контрастировала с отсутствием у руководства СССР внятной программы, которая могла бы быть предложена чехословацким партнерам в целях решения ими назревших социально-экономических проблем с учетом интересов всего социалистического содружества, и была расценена в Москве как в целом ревизионистский документ.

Хотя в СССР и экспериментировали в середине 1960-х годов с половинчатыми экономическими, так называемыми косыгинскими реформами, руководство КПСС опасалось далеко идущих системных реформ в соседней социалистической стране, способных создать механизмы реального общественного контроля над властными позициями партийно-государственной элиты. На апрельском пленуме ЦК КПСС 1968 г. была впервые озвучена готовность прийти на помощь чехословацкому народу, если «империалисты и контрреволюционеры» попытаются оторвать страну от советского блока. С этого времени советская пресса стала все больше писать об угрозе социализму в соседней Чехословакии. Началась массированная идеологическая обработка граждан СССР, повсеместно на партактивах зачитывались информационные письма ЦК КПСС с критикой пражского «ревизионизма». Страх перед утратой контроля над стратегически важным союзником дал импульс проработке не только политических, но и силовых вариантов воздействия на ситуацию, что в конечном итоге реализовалось в августовской интервенции.

Опасения жесткой реакции Москвы, безусловно, существовали летом 1968 г. в чехословацком обществе, однако не менее сильна была гордость за развернувшиеся реформы, способные, как ожидалось их инициаторами, в полной мере раскрыть демократический и гуманистический потенциал, изначально заложенный в социализме. В донесениях советских деятелей науки и культуры, общавшихся в те месяцы с представителями чехословацкой интеллигенции,

³ Оценка перспектив их реализации советскими экономистами из системы АН СССР, посетившими ЧССР в 1968 г. (Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 622), заслуживает специального изучения. К августу 1968 г. все эти планы были далеки от практического воплощения, но после подавления Пражской весны дали немало пищи для критики в адрес О. Шика и других «еретиков» от социалистической экономики.

можно прочитать об искренней вере многих их собеседников в особую миссию чехов и словаков. В этом контексте уже звучало и определение «Пражское весна», которую заведующий кафедрой Карлова университета известный филолог-русист М. Дрозда, общаясь с советскими литераторами, назвал «лучшей книгой», которая пишется в Чехословакии с начала 1968 г.⁴ О том, насколько были распространены среди чехословацкой интеллигенции эти почти мессианские настроения, можно судить среди прочего по публицистике получившего позже мировую известность писателя Миланы Кундеры, одно время верившего, что предпринятая в Праге попытка, выйдя из порочного круга «бюрократического социализма», противопоставить ему принципиально иную модель, сможет придать новые импульсы мировому цивилизационному развитию⁵.

Важно заметить, что к лету 1968 г. чешский и словацкий взгляды на перспективы начатых реформ все более расходились, что проявлялось и в ходе встреч чехословацких ученых и литераторов с советскими коллегами. Когда словаки, приезжавшие в СССР в составе чехословацких делегаций, в присутствии чехов с энтузиазмом говорили о том, что Словакия опережает Чехию в стремлении к демократическим переменам, они зачастую выдавали желаемое за действительное⁶. Ничего сопоставимого по общественной значимости и эмоциональному накалу с пражским съездом писателей 1967 г. (где под аплодисменты собравшихся было зачитано с трибуны письмо А. Солженицына съезду советских писателей) в Словакии не было, общественное движение там ориентировалось прежде всего на воплощение национальных требований. В конце концов и Дубчек в мемуарах признал, что для словаков приоритетом в то время было именно достижение федерализации. Чехи же к национальным устремлениям словаков не всегда относились с должным пониманием, делая упор на требования общей демократизации. Таким образом, в условиях Пражской весны отнюдь не исчезала, а иногда даже усиливалась некоторая напряженность в отношениях двух титульных наций, причем даже тех их представителей, которые выступали за глубокие реформы. Не всегда заметная невооруженным взглядом, она в то же время обращала на себя внимание экспертов-страноведов, лучше знавших не только реалии современной Чехословакии, но и непростую историю взаимоотношений чехов и словаков с момента объединения их в одном государстве осенью 1918 г. В этом плане весьма показателен публикуемый ниже отчет П.И. Резонова.

Характеризуя на основе заслушанных докладов ситуацию в чехословацкой исторической науке в целом, П.И. Резонов обратил внимание на стремление историков к освобождению от устоявшихся догм, к отказу от прежних установок подгонять факты под определенные схемы в угоду политике. На съезде было уделено должное внимание как расширению диапазона исследований (за счет обращения, в частности, к проблемам социальной истории) и круга вводимых в научный оборот архивных документов, так и совершенствованию методологии. Особый акцент делался на необходимости переосмысления

⁴ Отчет Иностранной комиссии Союза писателей СССР о пребывании в Советском Союзе в мае-июне 1968 г. делегации чехословацких литераторов: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 609. Л. 1–10.

⁵ Его, впрочем, пытался «спустить с небес на землю» Вацлав Гавел, предостерегавший от поисков «той свободы, которой мир еще не знал», и от «провинциального» подчеркивания собственной значимости. Он заметил, что большинство программных требований пражских реформаторов сводилось к установлению (а применительно к Чехословакии с ее демократическими традициями межвоенной эпохи точнее даже сказать: восстановлению) тех свобод, которые реализуются на практике в любом «нормальном» социуме. См. [Задорожнюк 2010].

⁶ Как иногда грешил против истины и А. Дубчек, преувеличивая в позднейших мемуарах темпы словацкой либерализации. См.: [Дубчек 2019].

непростых чешско-словацких отношений. По свидетельству П.И. Резонова, в выступлениях словацких историков критиковалась сама концепция чехословакизма, восходящая к идеям Т.Г. Масарика и дававшая простор для разного рода искажений при решении национального вопроса как в предвоенные, так и в послевоенные годы. Согласно тогдашнему видению словацких реформаторов, коммунисты уже в 1945 г. пошли на уступки президенту Э. Бенешу, не отстояв до конца своих принципиальных позиций относительно чешско-словацкого равноправия, а после 1948 г. развитие отношений между двумя титульными нациями было еще более деформировано негативными явлениями, характерными уже для сталинской эпохи. Возник парадокс: несмотря на поступательное развитие страны по новому пути, в реальности словацкому народу не предоставлялось должных национальных прав, а его национальным органам — настоящих полномочий, что закрепила и конституция 1960 г., явившейся в этом смысле шагом назад в сравнении с конституцией 1948 г. Красной нитью всех выступлений словацких историков было обоснование требования федеративного устройства республики: без этого, по их мнению, было невозможно покончить с неравноправным положением словацкого народа. П.И. Резонов заметил, что чешские историки, присутствовавшие на съезде, как правило, уклонялись от выступлений по национальной проблеме и никак не реагировали на страстные призывы словацких коллег о справедливом решении вопросов государственного устройства на основе федерализации. Это его наблюдение достаточно точно характеризует отношения между реформаторски настроенной чешской и словацкой интеллигенцией в момент общей угрозы. Следует иметь в виду и крайнюю гетерогенность состава тех, кто позиционировали себя в 1968 г. сторонниками словацкой автономии: в поддержке этого требования нашли временный консенсус и реформатор А. Дубчек, и явный противник либерализации В. Биляк (один из тех, кто обращался к Москве с просьбой о вторжении), и Г. Гусак, явно не оправдавший некоторых надежд, возлагавшихся на него сторонниками демократических перемен.

Пребывание П.И. Резонова в ЧССР, таким образом, совпало с общественным подъемом — спонтанным и неформализованным. Накопленная энергия перемен, слишком долго державшаяся как бы «под крышкой», аккумулировалась в виде настоящего «взрыва», охватившего все сферы общественной и культурной жизни⁷. Повсеместно возникшие дискуссионные клубы и форумы стали площадкой не только для критики прежней политики, но и для инициирования все новых реформаторских планов. Прежде казавшийся незыблемым партийный монолит дал трещину, монополия правящей КПЧ на выражение общенациональных интересов постепенно подрывалась, начали закладываться основы политического плюрализма и восстановления реальной, а не формальной многопартийности, что нашло отражение в опубликованном в конце июня 1968 г. в пражском литературном еженедельнике программном идеологическом манифесте «2000 слов», подготовленном писателем Л. Вацуликом. Процессы обновления охватили и правящую КПЧ, которая, хотя и не поспевала за обществом и его ожиданиями, но в условиях размывания тоталитарных основ системы медленно трансформировалась под давлением снизу в партию, готовую бороться за мандат избирателей в честной конкуренции с другими силами (что в корне противоречило традиционным большевистским представлениям об авангардной роли партии). Развитие и укрепление структур гражданского общества, подталкивавшего власть к реформам, могло стать

⁷ Показательно упомянутое в отчете П.И. Резонова посещение им культурных мероприятий, прошедших под знаменем чествования словацких национальных традиций.

на определенном этапе гарантом необратимости перемен. А не случилось это потому, что разбуженная политическая активность масс была пресечена грубым вмешательством извне, на которое руководство СССР пошло после нескольких месяцев выжидания и колебаний, сопровождавшихся политическим давлением, вызовами лидеров КПЧ «на ковер», демонстрацией силы в виде военных маневров стран ОВД на территории ЧССР.

Ставка Кремля на «здоровые», т.е. контрреформаторские силы, как известно, провалилась уже в ночь на 21 августа, превратив все последующее в фарс. В возникшей тупиковой ситуации Дубчек и ряд других политиков, поначалу выведенных из игры силовым путем, снова стали партнерами по переговорам, в ходе которых были вынуждены пойти на значительные уступки, по сути отказавшись от реформ и признав правомерность размещения советских войск на чехословацкой территории. 1969 г., но особенно «переломный» 1970 г. прошли под знаком масштабных проверок, чисток, массовых исключений из партии и увольнений с работы в системе образования, науки и культуры всех, кто хотя бы робко поддержал в 1968 г. Пражскую весну (и в том числе некоторых участников съезда историков, в котором участвовал П.И. Резонов). Хотя в Словакии установившийся политический режим был несколько более щадящим, чем в Чехии, здесь также начисто исключались любые проявления политического инакомыслия.

Командировки советских ученых-гуманитариев, как и деятелей культуры, предпринятые в 1969–1970 гг., происходили совершенно в других условиях. Принимая во внимание антисоветский настрой основной массы чешской интеллигенции и возможность нежелательных эксцессов, организаторы поездок с чехословацкой стороны иногда даже сознательно ограничивали официальную программу посещением Словакии, где градус сопротивления был несколько ниже и ситуация чуть лучше контролировалась властями⁸. При том, что в словацких землях вторжение иностранных войск было воспринято массой населения почти столь же негативно, как и в чешских, отчеты о поездках делегаций все же фиксировали различия в настроениях, вполне объяснимые. Оккупация не стала препятствием для осуществленной уже в январе 1969 г. федерализации страны, долгожданной для большинства словаков. Была выстроена сеть словацких национальных институций (в том числе культурных, открывавших новые возможности для самореализации творческой интеллигенции). Были вложены также немалые инвестиции в продолжение экономической модернизации, что принесло свои реальные плоды. Все это смягчило для словаков национальную повестку и пригласило оппозиционные настроения, на что не без оснований рассчитывали как в Москве, так и выполнявшие волю советских лидеров пражские «нормализаторы» 1970-х годов. Сам процесс «нормализации» проходил, таким образом, в Словакии легче, репрессии носили более адресный характер, из общественной и культурной жизни были вытеснены в рамках идеологических кампаний не многие сотни представителей гуманитарной и творческой интеллигенции, а прежде всего самые «вредные», с точки зрения властей, активисты Пражской весны. И соответственно удар по

⁸ См. [Стыкалин 2022]. Выезды некоторых наиболее опытных членов советских делегаций в Прагу на уик-энды для встреч со старыми знакомыми были неформальными и полусекретными. Таким был, например, заезд из Братиславы в Прагу весной 1970 г. главы советской писательской делегации поэта Е. Долматовского. Бойкот всего советского в чешской среде был после августа 1968 г. более жестким, нежели в словацкой. Любые контакты с гостями из СССР сильно компрометировали всех, кто на это шел. Неприятие интервенционистского режима формировало интеллигентскую солидарность, опиравшуюся на более широкое общественное мнение, осуждавшее августовское вторжение. Все это производило на советских гостей впечатление некоей «круговой поруки».

национальной культуре был нанесен не столь мощный⁹. Как бы то ни было, кроме тех функционеров, которые на это были уполномочены, словацкие научные работники и деятели культуры (как и чешские), как правило, уклонялись от непротокольных встреч с гостями из СССР, резонно опасаясь обвинений в коллаборационизме со стороны соотечественников. В свою очередь и сами функционеры не прилагали усилий, чтобы такие встречи состоялись, а если все-таки и удавалось поговорить о положении дел в неформальной обстановке, словацкие собеседники не скрывали своего резко негативного отношения к интервенции, особенно сильно, по их мнению, травмировавшей именно молодое поколение¹⁰.

Духовное потрясение, вызванное августовской интервенцией, впрочем, не могло быть длительным, как и последующее состояние шока, объяснимое неудачами сопротивления. Оно постепенно сменялось некоей «стабильностью нормализации», люди привыкали к новым реалиям, установившимся политическим практикам и к своим новым ролям. Как неотъемлемая часть новой реальности осознавалось и присутствие советских войск. На смену эйфории приходила апатия, господствовавшая в обществе вплоть до возникновения Хартии-77, нового общественного движения, способного сплотить оппозиционно настроенную интеллигенцию (прежде всего чешскую, но имевшую своих сторонников и в Словакии) на основе противостояния существующему режиму. Среди его активистов были и видные историки, чешские и словацкие [Гаек 2019].

События 1968 г. (а еще более — некоторые их последствия) осложнили и без того непростые отношения двух титульных наций Чехословакии. Не столько чуть более падающие масштабы гонений, сколько сам факт получения словаками широкой автономии через считанные месяцы после ввода войск вбил клин в отношения двух близких народов, ведь в чешском обществе сложилось достаточно широко распространенное мнение о том, что «близкие родственники» не то чтобы ударили в спину, но получив свой «пряник», сумели извлечь некоторую выгоду для себя из чешской национальной трагедии. С другой стороны, советские гости обращали внимание и на стремление некоторых словацких собеседников дистанцироваться от чехов, по их мнению, наклеивших вторжение своим чрезмерным радикализмом. Общегосударственный чехословацкий патриотизм, базировавшийся на масариковской идее единства двух близких народов, не в первый и не в последний раз в их общей истории XX в. дал трещину. Интересно, что эта неприязнь к политически активным чехам проецировалась в Словакии даже на занявшего первый пост в Праге словака Густава Гусака, еще недавно довольно популярного в словацком обществе. И это несмотря на его несомненную роль в том, что Словакия получила статус субъекта федерации. Противоречия усугублялись и в силу того, что более жесткие преследования интеллигенции именно в Чехии, осуществившиеся с санкции словаков-«нормализаторов» Г. Гусака и В. Биляка, воспринимались многими в Праге как целенаправленная месть чехам за прежние обиды.

⁹ Тот факт, что «нормализация» встретила в Словакии не столь сильное сопротивление, как в Чехии, словацкий историк Ю. Марушьяк объяснил также меньшей интенсивностью давления общества на власть в период Пражской весны в целях демократических изменений. Поскольку в менее развитой Словакии в эпоху социализма реально были достигнуты модернизационные успехи, провластные силы здесь имели более солидную социальную опору. А поскольку сопротивление было слабее, то и репрессии были не столь масштабными. См. [Бывшая Чехословакия 2022, 139].

¹⁰ См. отчет вышеупомянутой писательской делегации: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 943. Л. 1–8.

В соответствии с негласными правилами составления подобных отчетов П.И. Резонов не мог обойтись без нескольких дежурных слов о нерушимой советско-чехословацкой дружбе. Реальность, однако, оказалась сложнее. Августовское вторжение 1968 г. нанесло сокрушительной силы удар по традиционно развитым русско-чешским и русско-словацким культурным, духовным, научным, интеллектуальным связям. Не в пример богатой чешской культуре 1960-х годов к культуре периода «нормализации» интереса в СССР уже не было. Прервались ранее интенсивные неформальные связи ученых-гуманитариев. Чешская, чуть в меньшей степени словацкая интеллигенция отвернулись от русской культуры и гуманитарного знания едва ли не во всех ее проявлениях, не исправили положения даже устроенные в 1970-е годы выставки корифеев искусства русского модернизма и авангарда. Мало интереса друг к другу проявляли и творцы культуры андерграунда двух стран. Чешский самиздат зачастую обходил вниманием даже крупных русских писателей, имевших проблемы с советской властью, — их произведения, как правило, переводились на чешский с опозданием, только тогда, когда получали всемирную известность (это касалось и нобелевских лауреатов А. Солженицына и И. Бродского). Произошел по сути дела коллапс культурных связей сверх запротоколированного довольно грубого официоза.

Неизбежен вопрос об источниковой ценности и репрезентативности отчетов советских ученых-гуманитариев по итогам их поездок за границу, в частности в социалистические страны. Несомненно, их авторы зачастую находились (иногда даже подсознательно) в плену доминировавших идеологических стереотипов о превосходстве советской модели, советского опыта и т.д., и более того, во избежание недовольства нередко писали именно то, что от них хотели услышать в вышестоящих инстанциях¹¹. Как правило, чем более высокий пост занимал человек в партийно-государственной иерархии или чем более видным было его положение в культурной, научной жизни, тем более он был свободен в выражении собственного мнения.

Присутствие в той или иной мере идеологических стереотипов не могло не формировать «стратегию наблюдения», предполагавшую предвзятость подхода к увиденному, оно создавало определенный фильтр, искажавший воспринимаемую картину, однако даже в этом случае внимательный, заинтересованный, а главное, знающий соответствующую культурную среду наблюдатель мог подмечать существенные тенденции. Таким образом, при всей неизбежности искажений в подобного рода отчетах, речь идет об источнике, который может оказаться полезным в ходе исследований идеологической, общественно-политической ситуации, общественных настроений в той или иной стране в тот или иной исторический период. Особенно когда (как в случае с публикуемым ниже отчетом историка П.И. Резонова по итогам поездки в Чехословакию летом 1968 г.) исследователь имеет дело с записками квалифицированных экспертов-страноведов.

¹¹ Г.М. Гусев, в 1960-е годы работник аппарата ЦК ВКСМ, вспоминал, как в 1964 г. по итогам посещения Чехословакии написал записку, в которой указал на довольно сильные прозападные настроения в среде чешской молодежи, неприязнательность советского опыта, равнодушие к коммунистической идеологии и т.д. Его записка была воспринята в штыки некоторыми вышестоящими работниками, ее назвали попыткой вбить клин в дружеские отношения молодежи двух стран. Карьера молодого функционера оказалась под угрозой. Лишь через некоторое время, когда аналогичные свидетельства поступили в центр и по другим каналам, к словам Гусева отнеслись всерьез и его перестали преследовать за «клевету» в адрес дружественной страны. См. [На идеологическом посту 2008]. Таким образом, писать правду об увиденном было более рискованно, нежели приспособливаться к доминирующим стереотипам.

Отчет о поездке представителя Института славяноведения АН СССР Резонова П.И. в Словакию, на VI съезд словацких историков в июле 1968 г.

С 2 по 5 июля я находился в Словакии как гость Общества словацких историков. В это время в гор. Мартин проходил VI съезд историков, в работе которого я принимал участие. На съезд собрались историки Словакии, сотрудники научно-исследовательских институтов (Институт истории САН, Институт истории европейских социалистических стран САН), преподаватели философского факультета Университета им. Я.А. Коменского, педагогических факультетов, а также многие учителя истории средних школ. В качестве гостей на этом съезде были историки из Праги, Брно и ряда стран народной демократии (3 югослава, один румын, один венгр). Свыше 100 человек ежедневно принимали участие в заседаниях съезда.

Председатель Общества словацких историков проф. М. Госиоровский, открывая съезд, напомнил собравшимся об основных проблемах, которыми занимались предшествующие съезды и горячо приветствовал всех присутствующих и зарубежных гостей. Вместе с тем он ознакомил с изменившейся программой съезда, поскольку некоторые докладчики по ряду причин не могли принять участие в работе съезда, например, Г. Гусак¹². В уточненном виде программа съезда предусматривала обсуждение четырех научных докладов, а именно: 1) Л. Липтака «Роль и положение историографии в словацком обществе»; 2) проф. М. Госиоровского «Поиски демократической модели чешско-словацких отношений» (К годовщине 1918–1938–1948); 3) доц. А. Шпица «Словакия в экономической и социальной истории Европы в период феодализма»; 4) доцента И. Бутвина «О положении и основных проблемах словацкой истории при изучении истории в школах» и содоклад доц. Ю. Альберти «Словаки в учебниках истории зарубежных (соседних) стран». Предусматривалось обсуждение докладов. В связи с этим готовились специальные выступления.

Научный сотрудник Института истории САН тов. Липтак в своем докладе сделал попытку проанализировать состояние и развитие словацкой историографии за последние 20 лет. Он отметил, что за эти годы в стране выросли новые кадры историков-марксистов, которые упорно и плодотворно работали над созданием обзорных и синтетических трудов по истории Словакии. В качестве положительного явления отмечалось также то, что в словацкой историографии было обращено серьезное внимание на разработку социальной стороны исторического процесса, вопросов классовой борьбы и т.д. Однако весь пафос в докладе был направлен на критику недостатков историографии, особенно исторических работ периода [19]50-х годов. Главные пороки историографии тех лет, по его мнению, состоят в догматизме, схематизме, декларативности, отсутствии глубокого научного анализа реальных исторических процессов и фактов, в попытках подбора фактов под заранее надуманные схемы и т.д. В докладе много говорилось об отрицательных последствиях культа личности,

¹² Густав Гусак (1913–1991), занимавший руководящие посты в Словакии в первые годы после Второй мировой войны, был в начале 1950-х годов арестован и уже после смерти Сталина, в 1954 г., предстал в качестве одного из главных обвиняемых на судебном процессе по делу словацких «буржуазных националистов» на основании сфабрикованных обвинений. Амнистирован в 1960 г., полностью реабилитирован в 1963 г. Резонансным событием, значение которого далеко вышло за рамки исторической науки, стала публикация в 1964 г. книги Г. Гусака о Словацком национальном восстании 1944 г., в числе лидеров которого он был. Написанная отчасти в годы заключения (насколько позволяли условия) книга разрушала некоторые стереотипы и мифы партийной пропаганды, особенно касающиеся роли конкретных людей. Возобновление политической карьеры Г. Гусака (будущего генерального секретаря ЦК КПЧ) пришлось на месяцы, предшествовавшие Пражской весне. В апреле 1968 г. он стал вице-премьером правительства Чехословакии.

о сталинизме, о примитивности концепции исторического процесса в работах Сталина, о том, что он упрощенно интерпретировал марксизм, выдвинул мифическую идею о народных массах как решающей силе исторического развития, говорил о каких-то железных законах и т.д. Докладчик пытался все недостатки словацкой историографии тех лет объяснить тем, что историки находились под влиянием этой сталинской концепции исторического процесса, создали однобокие, искажающие объективную картину действительного развития, исследования, проникнутые плебейским характером, теорией бедноты, оправдывающие деформации и отступления от революционной законности. По мнению докладчика, только в последнее время началась действительно научная, глубокая разработка национальной истории и [он] высказал свои соображения о стоящих задачах перед современной словацкой историографией. Большое внимание он уделил обоснованию необходимости повышения уровня исторических исследований, более широкого использования документов и других архивных материалов, рекомендовал сосредоточить усилия по подготовке больших концепционных работ.

По докладу развернулись оживленные прения. Многие выступавшие высоко оценивали ту часть доклада, в которой содержалась критика словацкой историографии [19]50-х годов и сформулированы ее современные задачи. Проф. Радкош, доц. Блажке, доц. Млынарик и др. говорили о вреде такого явления, характерного для историографии [19]50-х годов, когда она была «простой служанкой политики», пыталась любое политическое мероприятие государственных или партийных органов только комментировать и обосновывать.

В выступлении Млынарика (словацкий историк, живущий и работающий в Праге) особенно сильно выдвигалось требование, чтобы историография была совершенно независима от политических учреждений, чтобы архивы не находились под управлением МВД и были широко открыты для всех историков. Все выступления решительно осуждали чехословакизм¹³, деформации, неправильные решения национального вопроса в послевоенные годы в Чехословакии. Историк С. Фальтян свое выступление посвятил анализу тех проблем, которые нуждаются в глубокой научной разработке. К их числу, по его мнению, относятся прежде всего такие вопросы как: отношения между чехами и словаками, их взаимность, роль чешского и словацкого народов в общем государстве, характер буржуазного чехословакизма, масарикизм и его негативные стороны в отношении Словакии.

Я сделал сообщение по докладу Липтака, посвятив его анализу состояния разработки проблем движения Сопротивления и послевоенных революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в советской историографии. Выражая свое отношение к докладу, я поддержал мнение докладчика, говорившего о высокой ответственности историков перед своими народами, о необходимости создания глубоких исследований в области истории, объективно раскрывающих все стороны исторического развития. Одновременно с этим я высказал ряд критических замечаний по поводу некоторых положений доклада, в которых ответственность за недостатки упрощенно перенесена на примитивность сталинской концепции исторического процесса. В основной части своего выступления я изложил этапы развития советской историографии по проблематике движения Сопротивления и послевоенных революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, подчеркнув трудность и сложность ее

¹³ Речь идет о восходящей к Т.Г. Масарику концепции единой чехословацкой нации, применение которой в политической практике вело к пренебрежению этническим своеобразием словаков.

разработки, необходимость расширения сотрудничества в этом деле историков всех социалистических стран Европы.

Особенно активно обсуждался доклад проф. М. Госиоровского «Поиски демократической модели чешско-словацких отношений», в котором он проанализировал историю развития концепции словацких политиков о федеративном устройстве совместного с чехами государства со времени первой мировой войны. Докладчик много внимания уделил различным документам и соглашениям, в которых признавался принцип федеративного устройства. В частности, он привел ряд высказываний Готвальда, Димитрова по этому вопросу. По мнению докладчика, коммунисты в период принятия Кошицкой программы пошли на некоторые уступки Бенешу, не отстояли до конца свои требования по словацкому вопросу. После 1948 года развитие отношений между чехами и словаками было деформировано неправильной политикой. Чем сильнее укреплялись позиции социализма в стране, тем меньше оставлялось национальных прав словацкому народу и его национальным органам.

По докладу Госиоровского выступили проф. Виетор, доц. Граца, научн. сотрудник Вартикова, проф. Варсик, югославский ученый Ту(д)жман¹⁴, венгерский ученый Фёриш, доц. Легоцка (филос. факультет, Братислава) и др. Красной нитью всех выступлений словацких историков являлось обоснование требований федеративного устройства Чехословацкой республики. Доказывалось, что это историческое требование, без реализации которого невозможно провести в жизнь принцип — «равный с равным» и покончить с ненормальным неравноправным положением словацкого народа.

Следует отметить, что чешские историки, присутствовавшие на данном съезде, не выступали по этому вопросу и никак не реагировали на страстные призывы словацких коллег о справедливом решении вопросов государственного устройства на основе федерализации.

Остальные два вопроса не вызвали большой дискуссии. Съезд закончился принятием резолюции, часть которой была опубликована в местной (Мартинской) газете «Смер».

За период пребывания в Словакии (Мартин) я посетил (вместе с другими иностранными гостями) «Матицу Словенску»¹⁵, а также участвовал в митинге, посвященном установлению мемориальной доски на здании Зниевской гимназии, в связи со 100-летием со дня ее основания. Открытие сопровождалось патриотическими выступлениями, высказывались предложения быстрее восстановить гимназию и сделать ее важным памятником словацкой национальной культуры и просвещения.

Некоторые впечатления и предложения.

Из разговоров со словацкими историками, встреч с населением, бесед в мартинском районном комитете партии и т.д. можно сделать вывод, что население к советским людям относится хорошо, дружелюбно, любовно.

¹⁴ Речь идет о Франьо Туджмане (1922–1999), ветеране Народно-освободительной армии Югославии, генерал-майоре, будущем деятеле движения «хорватской весны» начала 1970-х годов и первом президенте независимой Хорватии в 1990–1999 гг. Туджман в 1960-е годы много выступал как военный историк, занимавшийся прежде всего югославским сопротивлением времен Второй мировой войны. На момент приезда в Чехословакию он уже находился в опале, был снят с поста директора загребского института истории рабочего движения и исключен из СКЮ. В 1972 г. впервые был арестован за свою оппозиционную деятельность.

¹⁵ Общественная организация, основанная в XIX в. в городе Мартин. Сыграла ключевую роль в словацком национальном возрождении и развитии национальной культуры в условиях венгерской доминации.

Мартин — это центр словацкой культурной жизни. Здесь похоронены многие выдающиеся деятели словацкой литературы, искусства, ученые, общественные деятели. На многих памятниках, установленных на могилах мартинского кладбища, имеются надписи, сделанные на русском языке. Любовь к России, воспитанная в прошлые годы, живет в этом районе и сейчас. Очень большой интерес к Советскому Союзу, к русским, украинцам проявляют учителя средних школ.

К сожалению, лишь немногие из историков Словакии были в Советском Союзе, а учителю средней школы вообще почти недоступна поездка в СССР из-за очень высоких цен на туристические путевки.

Мне представляется, что было бы во всех отношениях полезно изыскать возможности для приглашения на 2–3 недели некоторых словацких историков как по линии АН СССР, так и по линии МВО¹⁶ и МПР¹⁷. Список таких лиц можно было бы подготовить по линии советской части комиссии историков и согласовать его с нашим посольством или консульством¹⁸.

9. VII — 1968 Зам. директора Института славяноведения АН СССР Резонов¹⁹

Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 622. Л. 145–150

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР.

Архив РАН — Архив Российской академии наук.

МВО — Министерство высшего образования СССР

МПР — Министерство просвещения СССР

ОВД — Организация Варшавского договора.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

СКЮ — Союз коммунистов Югославии

СЭВ — Совет Экономической взаимопомощи.

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

ЦК КПЧ — Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии.

ЧССР — Чехословацкая Социалистическая республика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив РАН. Ф. 681. Отдел научных связей с социалистическими странами.

РГАЛИ. Ф. 631. Союз писателей СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

«Бывшая Чехословакия сохранилась в виде общего культурного пространства». Словацкий взгляд на опыт сосуществования с чехами в едином госпроекте в XX веке. Беседа со словацкими историками // Историческая экспертиза. 2022. № 1. С. 123–143.

Гаек М. Воспоминания о чешских левых. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 488 с.

Дубчек А. Надежда умирает последней. М.: Новый хронограф, 2019. 352 с.

¹⁶ Министерство высшего образования СССР.

¹⁷ Речь, очевидно, идет о Министерстве просвещения СССР.

¹⁸ О деятельности советско-чехословацкой комиссии историков уже в условиях так называемой гусаковской нормализации см. [Марьина 2014].

¹⁹ Отчет П.И. Резонова о поездке в Чехословакию на состоявшийся в июле 1968 г. VI съезд словацких историков был направлен ученым секретарем Института славяноведения АН СССР Ю.В. Богдановым начальнику отдела научных связей с социалистическими странами АН СССР И.Н. Киселеву. На сопроводительной записке стоит дата регистрации — 5 сентября 1968 г. (АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 622. Л. 144). Это означало, что отчет мог быть прочитан в вышестоящих по отношению к Институту славяноведения структурах только после августовской интервенции.

- Задорожнюк Э.Г. Чехословацкая оппозиция после поражения Пражской весны: исходные точки идейной дифференциации // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. редактор Г.П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010. С. 658–686.
- Марыина В.В. Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (конец 60-х – 80-е годы XX в.). М., Институт славяноведения РАН, 2014. 160 с.
- «На идеологическом посту: 1960-е». Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 154–158.
- Стыкалин А.С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. / отв. редактор Н.М. Куренная. М., Институт славяноведения РАН, 2011. С. 367–398.
- Стыкалин А.С. Чехословакия весны 1970 г. глазами советской писательской делегации // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 430–447.

Рукопись поступила в редакцию 06.05.2024
Рукопись принята к печати 15.06.2024

REFERENCES

- «Byvshaya Czechoslovakia sokhranilas' v vide obshchego kul'turnogo prostranstva». Slovatskii vzglyad na opyt sosuschestvovaniya s chekhami v edinom gosproekte v XX veke. Beseda so slovatskimi istorikami. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2022, no.1, pp. 123–143. (In Russ.)
- Dubček A. *Nadezhda umiraet poslednei*. Moscow, Novy khronograf Publ., 2019, 352 p. (In Russ.)
- Hájek M. *Vospominaniya o cheshskikh levyh*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, 488 p. (In Russ.)
- Mar'ina V.V. *Sovetsko-czechoslovatskaya komissiya istorikov. Deyatel'nost' na fone obschestvenno-politicheskikh peremen v SSSR i TsSSR (konets 60-h – 80-e gody XX v.)*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2014. 160 p. (In Russ.)
- «Na ideologicheskom postu: 1960-je». Vospominaniya sotrudnikov TsK KPSS. *Neprikosnovennyi zapas*. 2008, no. 4, pp. 154–158. (In Russ.)
- Stykalin A.S. Chto dumali rumynyi ob SSSR v 1964 g. (Svidetel'stvuet sovetskii diplomat). *V poiskakh novykh putei. Vlast' i obschestvo v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy v 50-e – 60-e gg. XX v.*, отв. red. N.M. Kurenная. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2011, pp. 367–398. (In Russ.)
- Stykalin A.S. Czechoslovakia vesnyi 1970 g. glazami sovetskoi pisatel'skoi delegatsii. *Slavyanskii al'manakh*, 2022, no. 3–4, pp. 430–447. (In Russ.)
- Zadorozhniuk E.G. Czechoslovatskaya oppozitsiya posle porazheniya Prazskoi vesnyi: ishodnyie tochki ideinoi differentsiatsii. 1968. «*Prazhskaya vesna*». *Istoricheskaya retrospektiva*, отв. red. G.P. Murashko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2020, p. 658–686. (In Russ.)

Received on 06.05.2024

Accepted on 15.06.2024

Информация об авторе:

Стыкалин Александр Сергеевич
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
Институт всеобщей истории РАН
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000–0003–0834–9090
E-mail: zhurslav@gmail.com

Information about the author:

Alexander S. Stykalin
PhD (History), Leading Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
Institute of General History,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000–0003–0834–9090
E-mail: zhurslav@gmail.com